

ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

Продолжение. Начало см. в №№ 5, 6, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 19, 21, 22, 24, 30, 32, 35, 39.

Практически весь год я, да и более чем уверена, многие читатели нашей газеты живут под впечатлением событий, происходящих в книге академика Рафаэля Гусейнова «Вознесение слова». Лично я с волнением всё это время ожидала встречи с каждым новым героем этого сборника. Перелистывая всякий раз оставшиеся непрочитанными страницы, с надеждой думала о том, что новые знакомства и открытия ещё впереди. Сегодня, осознав, что осталось всего две последние главы, взгрустнула. А сев за компьютер, в который раз убедилась в том, что по каждой главе этой замечательной книги, состоящей из 742 страниц, на которых в лицах и событиях наша своё яркое отражение богатейшая история Азербайджана, просто необходимо снимать художественные фильмы.

Итак, давайте посмотрим, о чём идёт речь в предпоследней, 18 главе, этого солидного по объёму и содержанию, удивительно оригинального и богатого по изложению непростого труда автора книги.

Эпиграфом к ней служат следующие строки Байрам хана Бахарлы:

О, забывшая меня, хочешь верь,
А хочешь — нет,
Я в объятиях огня, хочешь верь,
А хочешь — нет.

Кто же он, этот новый объект дотошных исследований жизни и творчества человека, жившего в далёком от нас XVI веке? Ответим на этот вопрос строками из книги Рафаэля муаллима, которые читаем на странице 572:

«Мухаммед Байрам хан один из тех блестящих сынов Отечества, которого мы вначале «не заметили» в своей родословной, и потому он оказался «усыновлённым» более расторопными чужеземцами.

Байрам хан происходил из рода Бахарлы, славного своим ратоборческим духом и известного служителями муз, стихотворцами, любовью к поэзии, к литературе. Он доводился правнуком Гара Юсифу, происходившему из знаменитой династии Гарагоюнлу, внесшей значимый вклад в историю Азербайджана. После прадеда Мир Али Шукюр бека Бахарлы он был восемнадцатым продолжателем рода».

Далее мы узнаём о том, что Шукюр бек вначале под эгидой династии Джеларидов и Тимуридов, а позднее, при правлении Узун Гасана из династии Аргюнюлу являлся наместником провинции Кюрдистан, Хамадан и Динавер.

«Во времена Сефевидов, — читаем на странице 574, — это семейство перекочевало и обосновалось в Кирмане. В период правления Шаха Исмаила фамилия Бахарлы уже угнездилась в Бадахшане. Инициатором этого переселения были сыновья Пира Али бека — Бейрек и Асад — семья перекочевала в Бадахшан после кончины главы в 1480 году.

Здесь Бейрек — тезка легендарного героя из сказов вешего Горгуда — занимал высокий пост при дворе эмира Хосрова. Здесь же Бейрек женился, стал отцом, и миссия продолжала кохочего рода выпала на его долю. К этому времени относится его сближение с влиятельным вельможей и поэтом Бабуром, который впоследствии содействовал назначению сына Бейрека Сейфа Али наместником в Казвине. В 1504 году у Сейфа Али, женившегося на Нагине ханум из знаменитого рода «нагшбанди» родился сын Байрам хан, которому суждено было прославиться как доблестному военачальнику и яркому поэту».

Здесь же мы узнаём о том, что рано потерявший отца Байрам хан, рос при добром попечении знатной родни. Получив совершенное образование в Бадахшане, затем в Балхе, вернулся в Бадахшан. С первых же дней своего появления в придворных кругах юный Байрам привлек внимание и снискал симпатии

своим недюжинным умом, опережающим возраст талантом, благородной манерой поведения... Основатель империи Моголов Бабур, сыгравший в его судьбе значительную роль, проникся симпатией к даровитому юноше, о чём свидетельствует историк Нихавенди в трактате «Маасир-и Рахими» (1616г.). Бабур говорил: «Не будь у меня сына Хумаюна, я бы усыновил Байрам хана». И тот не раз доказывал свою верность и преданность Бабуру, его сыну и внуку. 16-летний Байрам хан уже в кругу сотоварищей — соратников Хумаюна, которому после кончины Бабура в 1530 году передавалась его любовь и вера. Как отмечает автор на странице 575, именно с этого периода все летописцы, ведя речь о тех или иных битвах, политических переговорах, пишут о деятельности Хумаюна только с участием Байрам хана... Их единомыслие и единодушие было настолько глубоким и незбылимым, что Хумаюн в практически судьбоносных ситуациях ставил Байрам хана выше всех, даже вопреки позиции родных братьев.

Конечно, всё это не обошлось без интриг и козней, к которым они прибегали чтобы уронить его в глазах брата. Но тщетно. Когда в 1542 году у Хумаюна родился сын Акбар, он назначает Байрам хана опекуном — «аталигом» будущего престолонаследника.

К этому времени Байрам хан снискал славу доблестного воина. В 1539 году он, как предводитель Хоробского воинства, проявил чудеса храбрости в районе Чауса, через год — на поле брани вблизи Каннауджа. В 1540 году Байрам хан уже снискал славу полководца в двух походах — Гуджаратском и Бенгальском, предпринятых во имя возвращения престола и власти Хумаюну, как премнику Бабура. Байрам хану пришлось на этом пути пережить много нелёгких испытаний. Не раз его пытались ослабить и даже умертвить. «И если бы его противникам это удалось, он остался бы в истории только как славный воин», — пишет автор книги на странице 577. Как творца слова история его ещё не знала... Но пройдя через опасные походы и испытания, через жестокие битвы, через хитросплетения дипломатических переговоров Байрам хан всё же вносит решающий вклад в утверждение и восхождение власти Хумаюна.

Старинные источники единодушно во мнении о том, что триумф Великих Моголов, утверждение их власти в Индостане — это, в первую очередь, плоды деятельной воли и государственной мудрости Байрам хана.

После внезапной кончины Хумаюна в 1556 году Акбар возшёл на престол. «Однако ему было всего 14 лет. Четыре года до достижения им совершеннолетия делами Великой Могольской державы управлял регент — азербайджанец из рода Бахарлы Мухаммед Байрам хан.

Это — незаурядный факт, дорогие мои соотечественники. Это — исторический автограф нашей нации, оставленный нашим выдающимся предком. И нам не должно было пребывать в неведении об этом достоянном имени и личности. Не должно было допускать перетягивания канатов, «приватизации» заслуг нашего предка со стороны чужеземных летописцев», — пишет Рафаэль муаллим на странице 580.

Благодаря его стараниям и кропотливым поискам мы узнаём о том, что в изучение Байрам хана как государственного деятеля и литературной личности немалый труд вложили английские, пакистанские, турецкие, узбекские, туркменские учёные.

«Одним из первооткрывателей этой темы в Советском Союзе был исследователь в средневековой Индии, автор докторской диссертации и монографии на эту тему, мой учитель, рано ушедший из жизни, талантливый востоковед Газанфар Алиев (1939-1984).

В 70-е годы, ещё студентом я подготовил радиопередачу о Байрам хане, помимо текстов на турецком языке,

представил в своём переводе и персоязычные образцы его творчества, вдохновенно и мастерски исполненные незабвенным Гасаном Турабовым.

Газанфар муаллим, смолоду проживавший в Москве, один из авторитетнейших учёных Института востоковедения СССР, время от времени приезжал в Баку и Гянджу. Случилось так, что Газанфар муаллим, остановившийся в бакинской гостинице, услышал по радио, в час ночи, стихи Байрам хана с моим предисловием в серии «Лирика дестеринден» — «Из лирической тетради». Наутро он спросил у меня: «Нет ли у тебя какой-либо работы о Байрам хане?». И я показал своему старшему коллеге и наставнику эссе об этом выдающемся устате — «Одиночество Байрам хана».

Газанфар муаллим погрузился в раздумья. «Наверное, ты не видел мою книгу о Байрам хане». Вскоре он прислал мне названную книгу из Москвы. Называлась она «Байрам хан — туркменский поэт». Издана в 1969 году. Национальная принадлежность уже подчёркивалась самим заголовком книги. Но Газанфар муаллим, с присущим ему великодушием и научной дальновидностью, воодушевлял меня на продолжение изысканий в этом направлении, посоветовал предпринять более серьёзные усилия во имя утверждения истины о национальном, азербайджанском происхождении объекта и героя наших научных изысканий. Позднее он подарил мне ещё несколько ценных списков, где были собраны стихи средневекового устата. А как же так полнучили, что выдающийся востоковед «отдал» нашего мастера слова туркменам? Вот название самого Газанфара Алиева: «В пору, когда я работал в Афганистане переводчиком, случайно в одной рукописи встретил имя и произведения дотеле неизвестного мне азербайджанского поэта. Меня так обрадовала находка — неизвестный «Диван» Байрам хана, что сразу по окончании заграникомандировки я с великим воодушевлением обратился к одному нашему учёному литературоведу, тогда очень уважаемому и влиятельному. Сообщив, что написал книгу об этом поэте, подготовил его произведе-

ния к печати, я попросил его дать отзыв и посодействовать в вопросе издания».

Но его слова отрубили мне крылья. Учёный-акасакал сказал, мол, мы ещё толком не изучили до конца наших известных поэтов, а таких непризнанных поэтов сколько угодно, какая в нём нужда? «Но ведь он — Бахарлы, и карабахские Бахарлы — представители этого рода, ведь он из предков Молла Вели Види». «Ну и что с того? Просматриваю его стихи, писал он на чагайском языке. Отези, передай туркменам или узбекам, они-то не печатаются. Лучше бы туркменам. История их литературы ведёт отчёт с XVIII-XIX веков. Они с удовольствием примут...»

Вероятно, тот самый учёный советчик совершил ещё одно «благое деяние», оповестив туркменских коллег о данной находке. Они сами разыскали Газанфара Алиева и изъявили готовность издать его работу. И издали. Тем самым превратили Байрам хана в туркмена, включив в историю национальной литературы, да ещё и памятник ему возвели. Газанфар муаллим удостоился Госпремии Туркменистана, за то, что он волюно или неволюно «удлинил» историю туркменской литературы на целое столетие. Но это было ещё «цветочки». Впоследствии и узбеки приняли Байрам хана в лоно своей литературы... По сути, они имели право на эту претензию. Вообще моё твёрдое убеждение, что тюркоязычные литературы до XVI века надо изучать в едином комплексном русле, как составные части братского «дастархана», художественные притоки общего пространства родственных литератур. Но в этой полифонической картине есть существенный момент, если национальная принадлежность того или иного художника точно известна, и некое обидное молчание это обстоятельство», — пишет автор на странице 583.

И с этим утверждением академика Рафаэля Гусейнова, внесшего бесценный вклад в историю литературы Страны Огней, я полностью согласна.

Продолжение следует.

Подготовила

Медина ГАСАНОВА.